

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА

УДК 94 (479)

DOI: 10.31143/2542-212X-2018-4-12-41

**УЧАСТИЕ НАРОДОВ КАВКАЗА В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ
1828-1829 гг.****А.С. АПФЕЛЬБАУМ***Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, № 173*

Аннотация. Статья представляет собой извлечение из неопубликованной работы рано ушедшего из жизни одаренного историка Александра Семеновича Апфельбаума (1956-1994)¹. Редакция сочла неоправданной ситуацию, когда интересный материал, иллюстрирующий укрепление связей народов Кавказа с Россией в условиях русско-турецкой войны 1828-1829 гг., остается не вовлеченным в научный оборот. Автор рассматривает в комплексе вопросы внешнеполитической ориентации народов Кавказа, формы и масштабы их участия в военных действиях на стороне России, значение итогов войны для всего региона и его отдельных подразделений. Война 1828-1829 гг. рассматривается в качестве важной этапной вехи в истории Кавказа и в складывании единства исторического развития русского и кавказских народов. Повсеместное активное выступление народов региона на стороне России в войну рассматривается в качестве весомого фактора, повлиявшего на ход военных действий. Почти 10 тысяч представителей кавказского населения, составлявшие более трети войск России на кавказском театре военных действий, значительно укрепили войска Отдельного Кавказского корпуса и внесли большой вклад в победу над Турцией. Ликвидация военно-стратегических плацдармов Османской империи в регионе привела к значительному сокращению ее возможностей влиять на обстановку на Кавказе. Адрианопольский мир знаменовал присоединение к России Черноморского побережья Кавказа и Ахалцихского края, тем самым завершив международно-признанное и юридически оформленное присоединение Кавказа к России. Определяющая роль для дальнейших исторических судеб региона отводится общению передовых кавказцев в ходе войны с членами освободительных движений и с представителями прогрессивных течений русской общественной мысли в целом.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1828-1829 гг.; Отдельный Кавказский корпус; кавказский фронт; народы Кавказа; ополчение; конно-мусульманские части; офицеры-декабристы; Адрианопольский мир; культурное общение; укрепление связей.

**PARTICIPATION OF THE PEOPLES OF THE CAUCASUS IN THE
RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1828-1829****A.S. APFELBAUM**

---

¹ Апфельбаум А.С. Кавказ и русско-турецкая война 1828-1829 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ, 1985. – 226 с.

*Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov
360004, Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Chernyshevsky st., 173*

Abstract. The article represents an excerpt from unpublished work of a gifted historian Alexander S. Apfelbaum (1956-1994), who regrettably early passed away. Editors of the Caucasology journal have found it unjustified that such an interesting material illustrating the ties of the Caucasian peoples with Russia in times of the Russian-Turkish war of 1828-1829 are not yet involved in scholarly discussions. The Author examines in conjunction the issues of Caucasian peoples' orientation in international relations, scale and forms of their participation in armed strife on Russia's side, significance of the war's outcomes for the region as a whole and for its different territorial subdivisions. The War of 1828-1829 is considered as an important milestone in the history of the Caucasus and in shaping the unity of the historical development of the Russian and Caucasian peoples. The countrywide ardent participation of the region's peoples in the war on the Russian side is considered as a weighty factor in the course of military operations. Almost 10 thousand Caucasians, who constituted more than a third of the Russian troops in the Caucasian theater of military operations, significantly strengthened the forces of the Detached Caucasian Corps and made a meaningful contribution to the victory over Turkey. The elimination of the military-strategic footholds of the Ottoman Empire in the region led to a significant reduction in its ability to influence the situation in the Caucasus. The Adrianople Treaty fixed the accession by Russia of the Black Sea coast of the Caucasus and the Akhaltsikhe region thus completing the process of internationally acknowledged and legally registered joining of the Caucasus to Russia. The pivotal role for the consequent historical development of the region is assigned to the contacts that advanced Caucasians had during the war with members of the liberation movements and with representatives of progressive currents of Russian social thought in general.

Keywords: Russian-Turkish war of 1828-1829; Detached Caucasian Corps; Caucasian front; peoples of the Caucasus; the militia; cavalry-muslim units; officers-decembrists; Adrianople Treaty; cultural communication; strengthening ties.

1. Создание кавказских воинских иррегулярных формирований для участия в войне в составе русских войск

Крупные победы, одержанные Отдельным Кавказским корпусом над превосходящими силами турок, вызвали недоумение и в Западной Европе, и в Турции, и в самой России, в чем можно убедиться, внимательно проанализировав некоторые статьи того времени в «Русском инвалиде» и «Московских новостях». Следует вспомнить, что и первоначальные планы царской ставки были значительно менее масштабны по сравнению с действительными достижениями на Кавказском фронте. Однако в начале войны даже эти скромные наступательные установки казались проблематичными, так как командование Отдельным Кавказским корпусом и Главный штаб русской армии прекрасно осознавали всю ограниченность средств корпуса, значительно уступавшего по численности войскам Османской Турции в этом районе. Активные наступательные операции были затруднены протяженностью военного кордона, в любом месте которого турки могли прорваться в глубь Закавказья. Не хватало маневренных кавалерийских частей, в то время как турки в избытке имели иррегулярную конницу, от которой можно было ждать высокой маневренности.

Наиболее верным средством сбалансировать ситуацию в этих условиях было формирование ополчения и иррегулярных частей из представителей кавказских народов. В некотором смысле это был единственно возможный резерв корпуса, ибо ждать подкрепления из Центральной России не приходилось. Совместные выступления русских войск с кавказцами на поле брани восходят своими корнями к XVI веку, когда в составе армии Ивана Грозного сражались адыгские формирования. В период Отечественной войны 1812 г. мысли об использовании кавказцев в борьбе против Наполеона, в своеобразной форме проявились в действиях Романа Медокса, выдавшего себя за гвардейского офицера и адъютанта министра полиции Соковнина и попытавшегося организовать «черкесские ополчения» [Утверждение... 1904: 131] в районе Кавказской линии. И хотя полуавантюрные попытки Медокса-Соковнина потерпели неудачу, они показательны как в плане идей, «носившихся в воздухе», так и в плане того энтузиазма, который был вызван действиями Медокса у самих горцев. Очень хорошо зарекомендовали себя временные кавказские ополчения в период русско-персидской войны 1826-1827 гг.

Поэтому не удивительно, что к началу новой войны снова был поднят вопрос о создании кавказских формирований. Правда, сама мысль об этом зачастую наталкивалась на упрямое сопротивление царских вельмож, недоверчиво и презрительно относившихся к кавказским народам. Весьма характерно в этом отношении мнение Нессельроде, писавшего 10 февраля 1828 г. начальнику главного штаба русской армии Дибичу: «Касательно набора вспомогательного отряда между горцами на случай войны с турками, я должен откровенно вам сказать, милостивей государь, что имея в виду прежние опыты, я бы отнюдь не желал подобного набора, во-первых, потому что не всегда можно положиться на их верность, во-вторых, стоят сии отряды чрезвычайно дорого или прямыми или косвенными издержками и по заключению мирного договора притязания лиц, составлявших в прежние времена вспомогательные отряды, были всегда преувеличены и бесконечны» [РГВИА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 2539. Л. 8 об. – 9]. Когда в конечном счете было принято решение о создании кавказских формирований, то причиной этого была крайняя нужда.

Показательной в этом смысле была позиция Паскевича, начиная с января активно поднимавшего вопрос о создании кавказских формирований в составе корпуса. Впоследствии многие историки как отечественные (Лукьянович, Ушаков, Потто), так и зарубежные (Фонион, Валентини) изображали Паскевича главным инициатором формирования кавказских частей, верным другом и добрым покровителем сражавшихся в этих частях воинов. Такое изображение не соответствует истине. Возвращенный в придворной атмосфере, карьерист Паскевич отнюдь не был ярким сторонником русско-кавказского сближения. Однако в силу своего служебного положения он лучше многих чинов царской ставки видел, что единственным условием успешного выполнения задач войны может быть только опора на народы Кавказа. Имеющиеся в его письмах, рапортах и приказах по корпусу упоминания о героизме и успешных действиях кавказских войск являются лишь констатацией общеизвестных фактов.

Уже в марте 1828 г. царской ставкой обсуждался вопрос о формировании «земского ополчения» в Закавказье и использовании отрядов местных властей [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 1-3]. В результате этого обсуждения и после консультации с Паскевичем было издано распоряжение о формировании ополчения в составе 1600 пехотинцев (1000 азербайджанцев и 600 армян), 1500 кавалеристов (все азербайджанцы) и одного батальона сарбазов (пехотинцев по персидскому образцу) из числа «ереванских мусульман» [Ибрагимбейли 1969: 220]. Отряды эти должны были соединиться с концентрировавшимися на граница силами Главного действующего корпуса не позже 1828 г. [Ибрагимбейли 1969: 220]. Несколько позже, в мае-июне 1828 г., были сформированы отряды мегрельской и имеретинской милиции, защищавшие впоследствии Боржомское ущелье и участвовавшие во взятии Поти и в боях в Гурии. Осенью после ликвидации Гурийского княжества, были сформированы отряды гурийской милиции.

Принципы формирования кавказских ополчений в 1828 году были сходны с методами формирования в предшествующую русско-персидскую войну. Это были традиционные для этих мест феодальные ополчения под руководством своих владетелей (беков, агаларов, меликов, князей) и содержавшиеся, в значительной своей части, как за их счет, так и за счет самих ополченцев. Несмотря на это, кавказские ополчения, как мы увидим позже, очень хорошо себя показали и сыграли важную роль в успехах русских войск. Всего по нашим подсчетам общая численность кавказских ополчений, сражавшихся в первый год войны в разных местах кавказского театра, достигла 8 тысяч человек, что составляло 1/3 часть всех войск, непосредственно действовавших против турок.

Хорошие результаты использования кавказских войск в боевых действиях первого года войны, явная поддержка кавказскими народами России в этой войне, проявившаяся уже в первый период военных действий, а также то тяжелое положение, в котором малочисленные русские силы оказались перед лицом многократно превосходившего их противника к весне 1829 г., заставило русское командование решиться не более широкомасштабное привлечение кавказских народов к участию в боевых действиях в составе Отдельного Кавказского корпуса. Хорошо изучивший вопрос об участии азербайджанских, армянских, грузинских формирований в войне советский историк Хаджи-Мурат Ибрагимбейли указывает, что активное участие в создании этих формирований зимой и весной 1829 г, принимали офицеры-декабристы Н.Н. Раевский (впоследствии на свой страх и риск отправивший офицера Горишева в Пятигорск для набора кабардинцев в армию), И.Г. Бурцов, а также представитель прогрессивных слоев азербайджанского общества, герой войны Аббас Кули Ага Бакиханов [Ибрагимбейли 1969: 228-229]. Следует добавить, что из других представителей прогрессивных слоев Кавказа в числе инициаторов использования кавказцев в составе войск корпуса в 1829 г. можно назвать кабардинца генерала князя Бековича-Черкасского [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6230. Л. 79] и генерала князя Чавчавадзе.

В 1829 г. кавказские части формировались на новых принципах. От каждых пяти дворов набиралось по одному ополченцу. При этом обор был поручен представителям царской администрации, а не местным феодалам, как это было раньше. На этот раз и содержание кавказских частей производилось полностью за счет царского правительства, что позволило придать частям постоянный характер на протяжении всей кампании 1829 г.

Формированием конно-мусульманских полков в Азербайджане занимался начальник азербайджанских провинций князь Абхазов [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 117. Л. 3. Распоряжение Паскевича Абхазову от 23 февраля 1829 г.], в Грузии – генерал Сипягин, в Армении – генерал Чавчавадзе [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 117. Л. 24. Распоряжение Паскевича Абхазову от 23 февраля 1829 г.]. Следует отметить, что, несмотря на то, что основную часть сформированных весной 1829 г. 4-х конно-мусульманских полков составляли азербайджанцы, ими состав этих полков не исчерпывался. В конно-мусульманских полках служили кабардинцы, чеченцы, дагестанцы, а также армяне и грузины [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 117. Л. 24. Распоряжение Паскевича Абхазову от 23 февраля 1829 г.]. Армян особенно много было в 4 полку, формовавшемся в Армянской области [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 1. Д. 117. Л. 3. Распоряжение Паскевича Абхазову от 23 февраля 1829 г.]. Конно-мусульманские полки перед вступлением в боевые действия проходили военную подготовку под руководством русских офицеров, причем в полном соответствии с программой, по которой проходили боевую выучку русские кавалерийские полки [Ибрагимбейли 1969: 236].

Всего было сформировано четыре конно-мусульманских полка, по шесть сотен в каждом, увеличено число сарбазов в Нахичеванском и Эриванском полубатальонах, сформирован полк Кенгерлы в тюркских селениях Нахичевани, а в Баязетском пашалыке – ополчение армян и конный полк из тамошних курдов [Потто 1889: 285]. В Баязете активным организатором армянского ополчения был влиятельный деятель мелик Мартирос. Прокламация Паскевича вызвала большой энтузиазм. С инициативой образования грузинских полков в составе Отдельного Кавказского корпуса выступила часть грузинских дворян [Акты... 1878: 326]. Весной 1829 г. было сформировано двухтысячное грузинское ополчение для защиты Боржомского ущелья, однако затем формирование частей в Грузии натолкнулось на преграду в виде крестьянских волнений, охвативших ряд грузинских уездов и затем перекинувшихся на Шамшадильскую, Борчалинскую, Казахскую дистанцию. По поводу этих волнений разными исследователями в разное время высказывалась различные мнения. Мы полагаем, что более правильным является мнение Х.-М. Ибрагимбейли, считающего, что волнения были вызваны новыми методами набора, слишком напоминавшими непопулярные наборы рекрутов в крепостнической России. «Грузины и азербайджанцы, - пишет Ибрагимбейли, - не отказывались от службы в иррегулярных формированиях и участия в войне, но опасались «25-летней солдатчины» и потому выступали за сохранение былых форм организации ополчения» [Ибрагимбейли 1969: 233]. К этому можно, по нашему мнению, добавить

только, что в ряде мест выступления против рекрутчины были переплетены с антифеодальным и антикрепостническим движением, не прекращавшимся и в период войны. Так было, например, в рутульских селениях, где крестьяне выступали не столько против наборов в армию, сколько против произвольных денежных сборов, налагавшихся на них под этим предлогом царскими чиновниками и местными помещиками [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4648. Л. 42. Докладная записка генерала Сипягина от 18 декабря 1828]. Вообще произвол провинциальных царских бюрократов, способных своими грубыми действиями извратить самое доброе начинание, сыграл, видимо, не последнюю роль в разжигании волнений.

Тем не менее кроме боржомского ополчения в рядах Отдельного Кавказского корпуса сражались в 1829 г. действовавшие на старых основах отряды гурийской и мегрельской милиции. Определенное количество бойцов-грузин было в составе конно-мусульманских частей.

Общая численность всех кавказских иррегулярных частей, милиции и ополчений, сражавшихся против турок в 1829 г., в соответствии с нашими подсчетами, составляла свыше 10 тысяч человек, что превышало 1/3 часть сражавшихся против турок на Кавказе войск.

С первых же дней войны воины-кавказцы отличались высокими боевыми качествами и играли большую роль в победах русской армии. Уже под стенами Карса среди особо отличившихся было много бойцов из кавказских частей. Знаком военного отличия за взятие этой крепости были награждены Марам-Шахверды Оглы из карабахской конницы и Измаил-Микаил Оглы из ширванской конницы [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 46. Л. 125, 129.]. За взятие Карса получил награду также капитан азербайджанской кавалерии Аббас-Кули-Ага [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 46.]. За храбрые действия под стенами Карса особым приказом Паскевича по корпусу были отмечены также сражавшийся в рядах кавказской кавалерии осетинский старшина подпоручик Султан Дударов, азербайджанцы Мамад-Кули-бек Карабахский, Мустафа Юсуф, Умбай-бек, Вагин-бек, Аджи-Гассан Султан-оглы, Мирза Али-бек, Рагим-бек Оглы и другие [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 53-53 об.].

По отзывам всех современников, наблюдателей, военных специалистов решающую роль в успехах операции Гессе против Поти 15 июля 1828 г. сыграла мегрельская конница во главе с князем Дадиани. Паскевич вынужден был отметить их героизм в рапорте царю [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 100]. В эти же дни был совершен один из ярчайших подвигов за всю историю войны. 21 июля большой контингент турецких войск атаковал из Ацхура Боржомское ущелье, желая ворваться во внутренние области Грузии. Им преградил дорогу маленький отряд имеретинской милиции под командованием штабс-капитана Вазирова. На каждого грузинского бойца приходилось 13 турок, однако защитники Боржомы отразили несколько ожесточенных штурмов и в конце концов заставили противника повернуть [Потто 1889: 200]. События июля 1828 г. в юго-западной Грузии показали туркам, по мнению Потто, «как неосновательны были их расчеты на сочувствие к ним народов картвельского

племени, а русские, напротив, могли убедиться в их искренней преданности» [Потто 1889: 261].

Русские войска продолжают наступать, и вот уже в новом рапорте в Главный штаб Паскевич отмечает особые заслуги кавказских частей при взятии крепостей Ахалкалаки в Хертвиса [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 104]. В операции против Хертвиса они выступали под командованием полковника Н.Н. Раевского. За взятие Ахалкалаки и Хертвиса приказом по корпусу были отмечены начальник Карабахского ополчения поручик Гюль-Мамет и младшие командиры Карабахского и Борчалинского Шамшадильского ополчения Мирза-Али-бек, Джафар-бек, Караман-Ага, Векил-Ага, Киши-бек, Ага Джан-Султан Мустафа Султан-оглы [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 50 об. – 51]. Самой яркой страницей летней кампании 1828 г. было взятие Ахалциха, сопровождавшееся разгромом войск Киос-Магомед-паши. И здесь Паскевич не мог не отметить мужество и выдержку кавказских кавалерийских частей. Здесь вновь отличились Умбай-бек, Мирза-Али-бек, Ага Киши-бек, Караман-Ага, Векил Огур Хан-Оглы, Джафар-бек, а также Ягья-бек, Караман Мамет-бек, Кярим-бек-оглы, Рустам-бея, Али-бек, Фараджулла-бек, Ага Джан-Султан Мустафа Оглы [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 72 об. – 73]. При взятии Ахалциха особо отличились также бойцы армянского пехотного ополчения Алиханов, Аганезов, Петросов [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 72 об. – 73]. Орденом святой Анны были награждены осетины Темрюк Дударов, Дуда Мамсуров, Аза Шелаев и другие, чеченец Гаджи Бималсадов. После взятия Ахалциха отряд под командованием Берхмана и Бековича-Черкасского был двинут вдогонку за убегающими остатками корпуса Киос-Магомед-паши, а затем овладел Ардаганом. В составе отряда Берхмана находились части армянского ополчения. Они сыграли выдающуюся роль в успехе этой операции [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 14. Журнал военных действий отряда Берхмана]. Паскевич в своей записке в журнале Главного действующего корпуса от 28 августа 1828 г. отмечает храбрость армянских ополчений и командовавшего ими в эти дни князя Бековича-Черкасского при взятии Адагана [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 171]. В то же время отряды грузинской милиции успешно участвовали во взятии крепости Ацкура [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 138], откуда османы угрожали внутренним областям Грузии.

В тяжелые месяцы зимы и весны 1829 г., когда основные силы Главного корпуса находились на зимних квартирах в различных областях Закавказья, роль кавказских ополчений еще более возросла. Паскевич использовал их для защиты уязвимых мест русских кордонных линий, которые столь рьяно атаковались турками в этот период. Все архивные материалы, свидетельства современников, указания историков в один голос утверждают решающую роль грузинской гурийской кавалерии в сражении при Лимани, где были разбиты войска рвавшегося в Западную Грузию и на Северный Кавказ трапезундского паши. Именно атаки гурийцев обратили в бегство силы паши. Этот факт особенно показателен, если учесть ту усиленную пропагандистскую обработку, которую проводили османы от имени династии прежних властителей Гурии. За «отменное мужество» в сражении под Лиманью были награждены военными

отличиями Церетели, Лемидзе, Дидабуладзе [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 116-116 об.]. В апреле 1829 г. вновь возросла угроза прорыва турецкой конницы в Грузию через Боржомское ущелье. Именно в это время здесь появляется корпус сераскерского начальника штаба Кягьи-бека. Одновременно активизировались в направлении Боржоми силы аджарских беков. Не имея наличных сил для защиты этого важнейшего прохода Паскевич использовал здесь грузинское ополчение, которое и пресекло все попытки захвата турками ущелья. За героизм при обороне ущелья военными отличиями были награждены унтер-офицеры Кайхосро Багратион Мухранский и Иосиф Сакарадзе [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 115-116 об.].

Во время второго наступления Ахмед-бека на Ахалцих среди войск, преградивших ему дорогу, был только что сформированный первый конно-мусульманский полк. Он, в частности, принял активное участие в бою 1 мая 1829 г. у селения Цурцукаба [ЦГИА Грузии. Ф. 11. Оп. 1. Д. 113. Л. 3]. Здесь полностью проявились высокие боевые качества кавказских частей, сформированных с помощью новых методов в 1829 году.

Трудно переоценить роль четырех конно-мусульманских полков иррегулярной конницы Кенгерлы в решающих боях на Саганлуге. Следует помнить, что они составляли в это время до половины всей кавалерии, столь нужной Паскевичу в условиях сражений при Каинлы и Меллидюзе, в обстановке быстро меняющейся ситуации и острой необходимости широкого маневра кавалерийскими частями. Это признавал в свое время в своем журнале и Паскевич [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4643. Л. 183]. За сражения при Каинлы и Меллидюзе орденами, военными отличиями и производством в следующий чин были награждены 98 офицеров конно-мусульманских полков, в том числе прикомандированные к этим полкам офицеры-армяне (Григорий Абамеликов), грузины (Заал Баратов), кабардинцы (Хакаш Перхишев), чеченцы и ингуши (Телов Кайтукин, Ханакай Атавов) [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 169-170 об.].

Не менее активно сражались в эти дни кавказцы на флангах русских войск. Героические страницы вписало оборонявшееся в июне 1829 г. Баязет от войск ванского паши армянское ополчение. Об этом Паскевич позже писал: «В Баязете, государь, 2 тысяч армян храбро сражались в рядах ваших войск» [Щербатов 1891: 226] Более 100 из них геройски пали на стенах и улицах города. Специальным приказом по корпусу за храбрость в дни обороны Баязета были отмечены и представлены к офицерским чинам Мелик Мартиросов, Мекертич Ага, Антон Агаджанов [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 36.]. Советский исследователь Ц.П. Агаян указывает: «Героическая защита Баязета стада еще одной славной вехой на пути боевого содружества русского и армянского народов» [Агаян 1978: 224]. В то же время на северном фланге, в Гурии, грузинские ополчения вместе с войсками Гессе преграждали путь туркам в глубь Закавказья. Всю армию облетела весть о подвиге, совершенном 8 мая 1829 г. ополченцем Бежаном Болквадзе. Во время разведки у селения Озургети он вступил один в бой с 8 турками, двоих из них ранил, двоих убил, а остальные обратились в бегство, «сам же в борьбе сей был ранен кинжалами в обе руки я в ногу» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 230-231. Приказ по

корпусу от 24 ноября 1829 г.]. Подвигу Болквадзе был посвящен специальный приказ по корпусу от 15 июля 1829 г. Храбрый ополченец был произведен в офицерский чин прапорщика – случай не очень частый в царской армии.

Быстрые действия кавалерийских кавказских частей во время наступления на Эрзерум сыграла немалую роль в почти бескровном взятии столицы Восточной Анатолии. За успешные действия у стен Эрзерума был награжден военным отличием дагестанец Аскар-Исмаил-оглы. Оценивая роль кавказских формирований в операциях июня 1829 г., Паскевич рапортовал в Петербург: «В атаках были все впереди, бросались мужественно на неприятельскую пехоту, большая часть пушек, знамен и пленных отбиты ими» [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4809. Л. 482].

В этот период в различных областях Кавказа наблюдался значительный подъем энтузиазма, связанный с началом русского наступления в Восточной Анатолии. По собственному почину формируются и отправляются на фронт отряды ополченцев. Потто сообщает даже, что под стены Эрзерума прибыл влиятельный среди чеченцев известный противник царской власти на Северном Кавказе Бей-Булат Таймазов, чтобы «добровольно служить в русской армии и на парадном обеде в честь взятия Эрзерума сидел за столом Паскевича рядом с русскими офицерами и А.С. Пушкиным» [Потто 1889: 479].

Сведения об участии в боях на стороне России известных врагов царизма на Кавказе даже, возможно, и несколько преувеличенные, прекрасно характеризуют те настроения, которые господствовали на Кавказе летом 1829 г. Впечатление от побед российских войск в Анатолии и тот энтузиазм, который они вызывали в широких кругах кавказского общества, могли оказать влияние на определенное время и на некоторых активных участников прежних движений, направленных против царских властей. Говоря об участии кавказских ополчений в операциях на Эрзерумском направлении и во взятии столицы турецкой Армении, нельзя не упомянуть и наличие здесь армянских добровольческих дружин. Факт участия армянских формирований во взятии древних армянских городов (Карса, Эрзерума) рассматривается современным исследователем В.А. Дилояном как свидетельство того, что «армяне старались придать национально-освободительный характер войне» [Дилоян 1974: 82].

Не менее важна, чем на начальном этапе кампании, была роль кавказских формирований в боях, развернувшихся на трапезундском направлении в июне-сентябре 1829 г. В тяжелом для русской армии бою у селения Харт 19 июля 1829 г. они отличились в лучшую сторону. За храбрость в этом бою были награждены орденами и отличиями офицеры конно-мусульманских частей азербайджанцы капитан Гусейн-Бек Шихали-Бек Оглы, прапорщики Нух-Бек Шихали-Бек Оглы, Расул-Бек, Гаджи Ахмет Султан Оглы, Мурсали-Бек Ляли бек Оглы и многие другие [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 240-241. Приказ по корпусу от 24 ноября 1829 г.]. В конце июля во время наступления основных сил корпуса на север, в боях под Балахором и Бейбуртом храбро сражались отряды чеченских, дагестанских ополчений, нахичеванская конница Кенгерлы, курды, вступившие в отряды Отдельного Кавказского корпуса, ополчение карских армян. Особенно отличился полусотенный отряд дагестанских горцев,

приведенный на фронт Ибрагим-беком табасаранским. Самостоятельно сформированный в Дагестане, этот отряд, торопясь не фронт, «пренебрег обыкновенными дорогами и прошел через вершины снегового Шах-Дага» [Потто 1889: 539].

В это же время на северо-востоке, у побережья Черного моря, между Кинтриши и Сзургети русские бойцы отряда Гессе в соединении с гурийским и мегрельским ополчением сорвали последнюю отчаянную попытку турок прорваться во внутренние районы Западной Грузии. В сражении 4 августа у Муха-Эстатэ, где, как указывалось выше, был разбит 8-тысячный турецкий корпус Тусчи-оглы, «вся честь победы принадлежала храброй милиции, заплатившей за нее кровью ста своих лучших воинов» [Потто 1889: 589].

Гурийскому и Мегрельскому ополчениям вручены за эту битву знамена. Возглавлявший мегрельское ополчение князь Дадиани получил орден св. Александра, его сын Давид – орден Владимира с бантом. Во время операций отряда Симоновича в Олтинском санджаке неувядаемой славой покрыли себя 2-й конно-мусульманский полк и конница Кенгерлы. У селения Сурп-Саркис они вступили в бой с превосходящим их количеством и занявшим к тому времени выгодные высоты отрядом делибашей и в ожесточенном кровавом бою разгромили этот отборный контингент турецкой кавалерии [Акты... 1878: 824].

В венчавших кампанию 1829 г. боях у Бейбурта 26 в 27 сентября 1829 г. смелые атаки кавказских кавалерийских частей и армянского ополчения внесли значительный вклад в разгром войск трапезундского паши – последнего султанского резерва в Восточной Анатолии. За храбрость под Бейбуртом орденами были награждены капитан Ассан-ага, князь Аслан Аргутинский-Долгоруков, следующие чины подучили азербайджанцы Мамад-Кули-бек, Кассум-ага Абдел-оглы, грузин Григорий Мачабели, дагестанец (из Дербента) Аслан-бек-Шефир-Оглы, карачаевец Ибрагим Мустафьев [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 251 об. Приказ по корпусу от 15 декабря 1829 г.].

Знаками военных отличий были награждены осетин (из Тагаурии) Азо Санаев, чеченец Ака Асланов [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 252. Приказ по корпусу от 15 декабря 1829 г.]. Специальной серебряной медалью на георгиевских лентах были награждены чеченец Бацук, карачаевцы Магул Реза, Омар Тары Кули, Султан-Аби-оглы, Ваад-Магмад-оглы [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 252. Приказ по корпусу от 15 декабря 1829 г.]. Паскевич, оценивая то значение, которое кавказское ополчение приобрело во время войны в рядах его корпуса, указывает, что оно «служило весьма усердно и во многих случаях, быв подкрепляемое регулярной конницею и артиллерию, было полезно» [Акты... 1878: 326]. Такая оценка в устах представителя царских административных кругах, в большинстве своем недоверчиво относящихся к кавказским народам, звучит весьма высоко. Значительно более восторженно оценивали роль кавказских формирований в войне наблюдатели событий, относящиеся к прогрессивным слоям русского общества. Такую оценку можно найти, например, в «Путешествии в Эрзерум» А.С. Пушкина [Пушкин 1936]. Характерен отзыв П.П. Зубова, находившегося в русском лагере во время боев на Саганлуге и взятия Эрзерума: «Надо видеть сии (кавказские – А.А.) полки в

сражении, чтобы судить о них – это молния, это огонь раздраженного бога, упавший вдруг с неба в середину неприятелей и рассыпавший смерть и ужас. Я видел их ... и до сего времени с восторгом вспоминаю чудеса храбрости, совершенные перед моими глазами полками мусульманскими» [Зубов 1834: 107].

По завершении войны в знак награды за храбрость кавказских кавалерийских полков городам, где они формировалась (Шемаха, Гянджа, Шека и другие) были дарованы знамена.

Таким образом, вклад, внесенный кавказскими ополчениями в победу русских войск на Кавказском театре военных действий, представляется несомненным. Однако общий вклад народов Кавказа в эту победу этим не ограничивается. Большое количество кавказцев служило непосредственно в составе русских войск, причем занимали здесь офицерские посты на всех уровнях. Уже в боях за взятие Карса особо отличились и были награждены различными орденами и переводом в следующие чины офицеры-грузины Андронников, Дадиани, Ратиев, Абашидзе, Амирэджибов, Вачнадзе, Эристов, армянин Лазарев, кабардинец Бекович-Черкасский, азербайджанец Шемир-Беллярров [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 45-49 об. Приказ по корпусу от 12 апреля 1829 г.]. Во время осады и взятия Поти особо отличились и были награждены орденами майор Чичуа, подпоручики Микаладзе, Геловани, Церетели, Георгий Дадиани, Чиквани, Микадзе, прапорщики Накахинадзе, Пагава, Ширвашидзе, Бакрадзе [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 122 об. – 123]. Отличились офицеры-кавказцы и в решающих в 1828 году боях под стенами Ахалциха. Паскевич особо отметил в рапорте героизм штабс-капитана Мамия Орбелиани во время битвы с корпусом Киоса-Магомеда-паши [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 138.]. Орденами различных категорий, знаками военных отличий и переводом в следующие чины были награждены офицеры-грузины три брата Чавчавадзе, Шаликов, Вахвахов, Амирзджибов, Вачнадзе, Мухелов, Абашидзе, Эристов, азербайджанец Бектибеков, армянин Абамелик [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 175; РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 54-57 об.].

Осенью 1829 г. кавалерийские части турок из западной части Олтинского санджака атаковали Хертвис. Путь им преградил малочисленный отряд под командованием подпоручика Джандиери. Героическая оборона, которой умело руководил молодой офицер-грузин, сорвала попытки турок прорвать кордонную линию русских в этом месте. А весной 1829 г. во время героической обороны Ахалциха Джандиери вновь отличился. Вместе с ним за стойкость в мужество в боях в Ахалцихе были награждены офицеры-грузины Вачнадзе, Эгадзе в другие, армянин Тер-Степанов Араратский [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 115-115 об. Приказ по корпусу от 14 мая 1829 г.]. И этот список можно было бы продолжить. До последнего дня войны кавказцы в составе русских регулярных частей сражались стойко и мужественно, сознавая, что они стоят на рубеже своей Родины и кровью скрепляя связи их народов с Россией.

В составе Отдельного Кавказского корпуса были высшие офицеры, кавказцы по происхождению, чей вклад в стратегическое руководство операциями русской армии трудно переоценить. Здесь прежде всего следует

остановиться на личности кабардинского князя генерала Федора Александровича Бековича-Черкасского. Опытный офицер, участвовавший во многих кампаниях ермоловской эпохи на Северном Кавказе, он отличился уже под Карсом, и в бою и в переговорах о взятии крепости, в которых Бекович участвовал вместе с начальником штаба корпуса генералом Остен-Сакеном. После взятия Карса он был назначен начальником пашалыка. Храбрость, военный талант Бековича в комплексе с большим умом, глубокое знание обстановки, истории, традиций и обычаев народов Кавказа и Турецкой империи делали Бековича незаменимым и непосредственно в боевых действиях, и в руководстве кавказскими формированиями, и в управлении занятыми областями, и в переговорах с противной стороной [РГВИА. Ф. ВУА. Д. 4649. Л. 171. Запись от 28 августа 1828 г.]. Большое значение имела деятельность Бековича против Ардагана. Роль его во взятии Ардагана была специально отмечена Паскевичем в своем журнале. Летом 1829 г. в боях на Саганлуге генерал Бекович-Черкасский командовал соединенным контингентом кавалерии донского казачьего и 1-го конно-мусульманского полка, активно участвовал в разгроме Меллидюзского лагеря Гагки-паши. Именно атака его колонны явилась завершающей в сражении при Меллидюзе. После разгрома армии сераскера Бекович во главе кавалерийского авангарда преследовал остатки османов, и именно быстрота и натиск его при занятии Хорасана и Гассан-кале не дали туркам возможности прийти в себя и организовать оборону Эрзерума. Во время осады столицы Восточной Анатолии именно Бековичу-Черкасскому было поручено ведение переговоров о сдаче города. Направившись в Эрзерум в сопровождении пяти узденей-кабардинцев, охранявших его в походе, Бекович с большим искусством и мужеством провел переговоры в условиях быстро меняющейся и угрожающей самой жизни посланника обстановки. Пожалуй, именно ему принадлежит заслуга в том, что Эрзерум был взят практически бескровно. И после взятия города именно Бекович назначается его комендантом.

Велика была роль в руководстве действиями корпуса видного представителя прогрессивной общественности Грузии, поэта, друга декабристов, тестя Грибоедова генерала Александра Герсевича Чавчавадзе. В историю русско-турецкой войны 1828-1829 годов он вписал славную страницу, овладев в 1828 г. во главе руководимых им войск Баязетом, Топрак-кале, Диадином и впервые водрузив русское знамя на берегах Евфрата (что, кстати, вызвало сильную зависть и недовольство Паскевича). В качестве начальника Армянской области Чавчавадзе внес немалый вклад в формирование кавказских соединений в составе Отдельного Кавказского корпуса.

Нельзя не назвать здесь и имя другого кавказского военного деятеля генерала-армянина Бебутова, возглавлявшего героическую оборону Ахалциха в феврале-марте 1829 г. Участие этих генералов-кавказцев в военных действиях в определенной мере обеспечило успехи русских войск в сложной обстановке кавказского фронта. Бои против турок и их приспешников шли и на Северном Кавказе. Документами отмечено активное участие в боях против отрядов Ага-

Магомед-бея и Сеид-Ахмед-паши служивших урядниками в Горском казачьем полку кабардинцев Н. Шедакаева, И. Губжокова, К. Ханжуева, С. Улигова, М. Калабекова, П. Наурзокова, В. Кудалева, С. Нахушева, осетина Камбулата Мистулова, чеченца Шарипа Ходжаева [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 17. Д. 88. Л. 4-14; РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 46. Л. 79]. За особые заслуги и отличия в этих боях из урядника в заурядхорунжие был переведен кабардинец Г. Гошокин, причем сделано это было по личному представлению начальника Кавказской линии генерала Эмануэля [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 46. Л. 143]. Такого же отличия и особого приказа Паскевича по корпусу удостоился другой урядник-кабардинец Мисост Карагачиров [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 225 об. Приказ по корпусу от 6 ноября 1829 г.]. Кавказцы сражались во многих частях русской армии и на Балканском театре военных действий. Здесь можно назвать, например, кабардинца полковника Бегидова, командовавшего казачьим полком в начальный период операции 2-й армии. Он принял активное участие в осаде Силистрии, где командовал контингентом из трех казачьих полков, здесь же был ранен. На заключительном этапе войны Бегидов состоял в корпусе генерала Рота и вполне мог вместе с ним (хотя это пока и не подтверждено документами) участвовать в решившей кампанию битве при Кулевче.

На протяжении всех военных действий русские войска опирались на активную поддержку местного кавказского населения. Эта поддержка чувствовалась и под стенами Карса, и в Ахалцихе, и Эрзеруме, и в Баязете, и на границах Гурии и Имеретии – под Лиманью и Боржомом, и, наконец, на Северном Кавказе, где, например, важнейшие сведения об осажденной Анапе и ее гарнизоне доставили Меншикову проживавшие в городе адыги [Потто 1889: 79-80]. Эта поддержка была наглядно продемонстрирована и после окончания военных действий, когда вслед за уходящими русскими войсками из оставляемых туркам местностей ушло 14044 армянских и грузинских семей, или 84 тыс. человек [Галоян 1976: 177].

Таким образом, на основании всего вышеизложенного можно сделать вывод, что сознательное и активное участие кавказских народов в войне на стороне России стало важным фактором, сыгравшим значительную роль в громких победах сравнительно малочисленного Отдельного Кавказского корпуса над количественно превосходящими силами противника.

2. Особенности состава Отдельного Кавказского корпуса

Другим важным фактором, работавшим в том же направлении, были особенности организации несения службы и военной подготовки в Отдельном Кавказском корпусе, а также его состава. Тому, что в ходе всей исследуемой нами войны самые громкие и эффективные победы выпали на долю этого корпуса, соединения довольно малочисленного и отнюдь не избалованного царским вниманием и подкреплениями (в то время как более многочисленные и лучше снабжаемые войска 2-й армии месяцами топтались под стенами турецких крепостей на Балканах), были свои причины. Здесь царил относительный демократизм как внутри офицерского корпуса, так и в

отношениях между рядовыми и значительной частью офицеров. На облике корпуса отражалась и специфичность функций, которые он выполнял. С одной стороны, здесь присутствовала карательная функция подавления всех антицарских движений – как феодально-сепаратистских, инспирированных из-за рубежа, так и народных, освободительных, направленных против колониального гнета и феодальной эксплуатации. С другой стороны, корпус активно выполнял функции защиты Кавказа и его народов от нападений турецких и иранских феодалов, мечтавших о реставрации своей власти или влияний в областях региона. Причем на протяжении всего первого тридцатилетия XIX века эта функция кавказских войск была не менее важна, чем карательная. Роль русских воинов как защитников и освободителей народов Кавказа от крайних форм феодального произвола отсталых азиатских империй наглядно проявилась в ходе войны 1828-1829 годов. Достаточно вспомнить героический подвиг летом 1828 г. русских частей под командованием Федора Бековича-Черкасского, освободивших угоняемое делибашами из-под Карса население, февральско-мартовскую 1829 г. оборону Ахалциха, когда в чрезвычайно трудных условиях осады гарнизон спас и приютил в цитадели до 1000 местных жителей-армян. По словам участника обороны декабриста Петра Бестужева: «Утешно было видеть, с каким патриархальным гостеприимством солдаты наши, сердца закаленные в ужасе сеч и зареве пожаров, делились с ними последнюю крохую пайка» [Воспоминания... 1951: 374]. И недаром войска корпуса с таким энтузиазмом встречались с нетурецким населением Карса, Баязета, Эрзерума, Гюмиш-хане.

Облик Отдельного Кавказского корпуса во многом определяется особенностью его состава. Еще до восстания 14 декабря 1825 г. на Кавказе служили или ездили туда многие лица, в той или иной степени относившиеся к «тайным обществам»: А.А. Авенариус, братья Борисовы, П.А. Муханов, П.К. Каховский, Г.И. Копылов, П.М. Сахно-Устимович, В.Ф. Тимковский, А.Ф. Фурман, П.Д. Черевин, А.И. Якубович [Кавтарадзе 1977: 182]. Позднее здесь оказались подозреваемые в принадлежности к декабристскому заговору А.С. Грибоедов, Н.Н. Муравьев, Н.Н. Раевский-младший, И.Г. Бурцов, В.Д. Вольховский. Все они играли большую роль в жизни и действиях корпуса. Роль в ходе военных действий на Кавказе этих ближайших сотрудников Паскевича, большинство из которых имело в той или иной степени отношение к декабристским обществам, трудно переоценить. Генерал Н.Н. Муравьев принимал активное участие в планировании и проведении многих операций корпуса, и вклад его в победу велик и при взятии Карса, и под Ахалцихом, и во время боев на Саганлуге. Другой «неблагонадежный», И.Г. Бурцов, непосредственно командовал значительным контингентом войск во всех этих операциях и к тому же прославился в ходе войны как руководитель деблокады Ахалциха в марте 1829 г. и победитель турок при Цурцукубе и Дигури. Сын героя войны 1812 г., Николай Раевский показал себя отличным кавалерийским командиром, умелым и инициативным руководителем как русских соединений, так и кавказских. Высланный на Кавказ декабрист В. Вольховский занимал в период Русско-турецкой войны важный пост обер-квартирмейстера Отдельного

Кавказского корпуса и в этом качестве принимал активное участие в оперативном планировании военных действий. Большую роль Вольховского в организации побед русских войск на Кавказе в 1828-1829 гг. отмечали как современники, так и позднейшие военные историки [Гейсман 1910: 84-85].

К этой группе следует отнести начальника штаба корпуса генерала Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена. Человек этот был в очень хороших отношениях с служившими в составе корпуса декабристами и другими «неблагонадежными». В военных действиях он проявил себя умелым стратегом и тактиком, корректировавшим многие огрехи Паскевича и проявлявшим инициативу там, где ее явно недоставало у главнокомандующего.

Паскевич довольно быстро понял, что немедленное введение в вверенном ему корпусе арапчеевских методов руководства войсками, чего требовали от него царь и Главный штаб, может привести к тяжелым последствиям. Он вынужден был на первых порах в условиях войны сохранить, а местами повысить положение «неблагонадежных», служивших в корпусе. Сам Паскевич объяснял это впоследствии так: «Не имея других, которые бы с пользой употреблены быть могли, я, по малому числу людей в сем корпусе способных, принужден был давать поручения мои сего рода чиновникам» [Щербатов 1891: 328-329]. Декабристов в корпусе становилось все больше и больше. Больше всего их было среди солдат, так как именно на Кавказ было сослано большинство солдат гвардейских полков, участвовавших в восстании 14 декабря в Петербурге, и солдат Черниговского пехотного полка. Всего их, согласно сведениям А.В. Фадеева, было в корпусе к концу 1827 года 2800. Из офицеров-декабристов на Кавказ по приговору Верховного уголовного суда были сосланы двое. Затем приказом от 22 августа 1826 г. царь перевел на Кавказ 11 декабристов-офицеров, находившихся с весны 1826 г. в гарнизонах Оренбургской губернии. В 1827-1828 гг. на Кавказ прибыло еще 25 офицеров. Наконец, в 1829 г. на Кавказе оказалось еще 12 офицеров-декабристов [Фадеев 1951: 100].

В Нижегородском драгунском полку служил поручик Н.И. Депрерадович, переведенный сюда из лейбгвардии кавалергардского полка. Поручиком он (ранее разжалованный) стал за особое отличие в персидскую кампанию [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 5]. В Таманском гарнизонном полку служил переведенный из Московского лейб-гвардейского полка прапорщик Д.А. Арцыбашев [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 5]. Из того же полка попали на Кавказ В.А. Волков, служивший штабс-капитаном тенгинского полка, и А.А. Брокке, поручик Мегрельского полка [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 5]. Известный декабрист-преображенец Н.В. Шереметьев служил с конца 1826 г. в Ширванском пехотном полку. Здесь в 1827 г. он прославился в боях с персами, и начальство вынуждено было произвести его в чин подпоручика [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 15]. В рядах Севастопольского и Кабардинского пехотных полков храбро сражались декабристы-измайловцы М.П. Малютин и А.С. Гангеблов [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 65. Л. 5 об.]. В Серпуховском уланском полку служил корнетом бывший кавалергард Васильчиков, а в прославившемся в ходе войны против

турок 41-м егерском полку – поручик А.А. Добринский [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 65. Л. 5 об.]. Большую популярность в рядах Отдельного Кавказского корпуса успел уже завоевать к началу войны подпоручик Ширванского полка А.Е. Рынкевич, ранее разжалованный за принадлежность к «злоумышленным» обществам, а затем представленный к офицерству за отличия в персидской кампании [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 6]. Из членов тайных обществ, игравших значительную роль в руководстве действиями корпуса, мы уже называли Муравьева, Бурцова и Вольховского. Сюда же следует добавить подполковника 42-го егерского полка А.Н. Гвоздева, уволенного в свое время из царской свиты, и полковника того же полка А.М. Миклашевского [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 6]. Активное участие в планировании операций 42-го егерского полка, да и некоторых других частей принимал подпоручик Д.А. Искрицкий, до декабристского восстания служивший в Гвардейском Генеральном штабе. Мегрельским пехотным полком в продолжение всей войны командовал декабрист полковник П.М. Леман [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 65. Л. 6 об.].

Следует отметить, что довольно много декабристов собралось в Нижегородском драгунском полку под командованием Н.Н. Раевского. Здесь служили капитан Н.Н. Семичев, Н.Н. Оржицкий, Квартано и т.д. Григорий Кононицын служил прапорщиком конно-артиллерийского полка. П.И. Пыхачев там же капитаном, Н.Р. Цебриков и Ф.Г. Вишневский в Ширванском пехотном полку, также отличившемся в ходе войны против турок высокими боевыми качествами [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 7].

Друг А.С. Пушкина декабрист М.И. Пущин был разжалован в рядовые и прикомандирован к 8-му пионерному батальону, однако использовался в основном как главный военный инженер корпуса [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 7]. Как один из самых храбрых офицеров куринского пехотного полка отмечается в документах поручик-декабрист Корсаков.

К началу 1829 г. в частях Отдельного Кавказского корпуса служили рядовыми разжалованные офицеры-декабристы: в 41-м егерском Александр Берстель, Захар Чернышев, в линейных Кавказских батальонах – Владимир Толстой, Валериан Голицын, Александр Бестужев; в Северском конно-егерском полку – Николай Булгари; в Куринском пехотном – Петр Бестужев, оставивший интересные записки о русско-турецких военных действиях на Кавказе; в 44-м егерском – Александр Фок; в Тенгинском пехотном – Алексей Веденяпин; в Кабардинском пехотном – Николай Акулов; в Мегрельском пехотном – Эпафродит Мусин-Пушкин; в 42-м егерском – Нил Кожевников и Матвей Лаппа; в Тифлисском пехотном – Борис Бодиско [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 52. Д. 97. Л. 47-47 об.].

Вопрос о пребывании декабристов в Отдельном Кавказском корпусе исследовался целым рядом историков как дореволюционных (Вейденбаум), так и советских (А.В. Фадеев, Х.-М. Ибрагимбеили и многие другие). Менее изученным является вопрос об участии в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. на Кавказе людей, причастных к другим освободительным выступлениям против царизма. Между тем здесь в это время находились и некоторые члены

польских тайных обществ: Ворцель, Корвицкий, Довгер [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 631. Л. 30], участники основанного в Оренбурге декабристом Завалишиным в 1826 г. тайного общества: Старков, Витошников и Шестаков, участники антиправительственного выступления в Литовском пионерном батальоне: Петровский, Восхович, Вилканец, Гофман [РГВИА. Ф. 36. Оп. 6. Св. 45. Д. 66. Л. 7].

Таким образом, мы можем на основании всего выше приведенного материала сделать вывод, что практически во всех частях Отдельного Кавказского корпуса и на всех военно-иерархических уровнях были представители наиболее прогрессивных слоев российского общества, имевших в той или иной степени отношение к освободительному движению против царизма. Как правило, это были люди высокоодаренные, проявлявшие свои способности в разных отраслях, в том числе и военной. Некоторые из них участвовали еще в Отечественной войне 1812 года. Были среди них и люди, отличавшиеся глубокими военно-теоретическими знаниями. Достаточно вспомнить того же И.Г. Бурцова, известного своими теоретическими статьями, публиковавшимися в «Военном журнале» [Военный... 1819], впоследствии закрытом Аракчеевым. М.И. Пущин считался одним из лучших военных инженеров в русской армии, а Н.Е. Лачинов проявил себя блестящим топографом.

Глубокие знания, выделявшие декабристов из общей массы офицеров царской армии, сочетались у них с большим личным мужеством и высоким сознанием долга. Отношение декабристов к данной войне проявлялось в многочисленных фактах самоотверженности и героизма офицеров и солдат-декабристов в ходе боев с османами. Уже под стенами Карса большую роль сыграл руководивший осадными работами М.И. Пущин. Здесь необходимо отметить также отличившихся в ходе штурма Н.Н. Акулова и А.В. Веденяпина, Петра Бестужева и Н.Р. Цебрикова. При взятии Ахалциха вновь отличился Пущин, а также Коновницын, Гангелов, Искрицкий, В.Д. Сухоруков. В наиболее героические страницы военных действий на Кавказе вписан подвиг разжалованного декабриста А.А. Фока. Он в разгар боя с войсками Киос-Магомед-паши привял на себя командование ротой егерей, потерявшей своих офицеров, хотя сам был ранен. С поля боя Фока вынесли только после третьего ранения [Фадеев 1951: 105].

Пребывание в составе корпуса большого количества участников освободительного движения против царизма сыграло особую роль и в укреплении особых товарищеских отношений между солдатами корпуса и значительной частью офицеров – отношений, складывавшихся еще в ермоловский период и имевших немалое значение для повышения боевого духа корпуса. Итак, по сравнению с другими соединениями русской армии Отдельный Кавказский корпус отличался большей прогрессивностью своего офицерского и личного состава, и это следует призвать весьма положительным фактором и в военном плане, повышавшим общий потенциал корпуса и позволявшим одерживать победы там, где в соответствии с обычными расчетами их быть не должно было.

Следует констатировать, что на первых порах царской военной бюрократии не удалось вполне добиться целей полной изоляции декабристов в корпусе. Весьма часто присылаемые на Кавказ «неблагонадежные» попадали под покровительство высших офицеров, которые сами в той или иной степени имели отношение к «злоумышленным обществам». В числе покровителей декабристов можно назвать и генералов Н.Н. Муравьева, И.Г. Бурцова, оберквартирмейстера В.Д. Вольховского, и А.С. Грибоедова, фактически управлявшего в 1826-1827 годах канцелярией главнокомандующего корпусом, и начальника его штаба Д.Е. Остен-Сакена, сдружившегося с декабристами. Особо следует отметить в этом отношении Н.Н. Раевского, командовавшего драгунской кавалерией в корпусе. Про него Михаил Бестужев впоследствии писал: «Генерал Раевский, бывший член нашего общества и прощенный государем за чистосердечное раскаяние, проживал в Тифлисе (речь идет, видимо, об осени 1828 года – А.А.), наполнил свой штаб большею частью из декабристов и ссыльных офицеров. Прочих, не бывших в его штабе, он ласково принимал у себя в доме» [Бестужев 1951: 55].

В разное время под началом Раевского служили декабристы Коновницын, Александр Бестужев, Валериан Голицын, Захар Чернышев, Руфин Дорохов, П.Б. Шереметьев. Раевский опекал их, хлопотал за них перед начальством, добивался скорейшего помилования [Архив... 1908: 348], за что получил уже в 1827 г. раздраженные наставления Дибича.

Впоследствии известный дореволюционный исследователь Б.Л. Модзалевский, издавший Архив Раевских, совершенно справедливо отмечал: «Так водилось на Кавказе, и такое отношение к разжалованным вне службы казалось столь естественным, что никому не приходило в голову видеть в этом опасное колебание дисциплины или политическую неблагонадежность» [Архив... 1908: 494]. Отношение Паскевича к разжалованным было на первых порах весьма сложным. С одной стороны, во многих его действиях сквозило понимание того, что без талантов и способностей «неблагонадежных» ему не обойтись. С другой стороны, он прекрасно знал истинные причины опалы Ермолова и те цеди, с которыми посылал его Николай Павлович на смену, безусловно, более талантливому «проконсулу Кавказа». К тому же он не питал никакого личного расположения к декабристам. Типичный продукт придворной среды, Паскевич постоянно оглядывался на двор, на мнение царя и всесильного шефа жандармов Бенкендорфа. Типичной в этом отношении является переписка Паскевича с Главным штабом по поводу штабс-капитана князя Кудашева. Этот офицер лейб-гвардии Московского полка был переведен на Кавказ в составе сводного гвардейского полка, сформированного, как известно, из чинов лейб-гвардии, участвовавших в восстании 14 декабря. Кудашев отличался и в персидскую, и в турецкую кампании как храбрый и исполнительный офицер. За взятие Ахалциха он получил орден святой Анны 4-й степени [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 9. Д. 50. Л. 54]. Паскевич охотно использовал способности Кудашева, сделал его своим адъютантом и давал даже дипломатические поручения, с успехом Кудашевым выполняемые. Очень скоро это обратило на себя внимание Главного штаба, напомнившего

главнокомандующему о том, что «капитан сводного гвардейского полка князь Кудашев был несколько замешан в происшествии 14 декабря 1825 года». Паскевич отреагировал на это немедленно. 21 февраля 1829 г. он почти в паническом духе писал Дибичу, что все его действия в отношении Кудашева были произведены им по незнанию его «причастности к сему происшествию», причем попытался даже сослаться на незнание этого и в отношении других офицеров Сводного Гвардейского полка, в том числе полковника Шипова, что уже совсем абсурдно, так как роль Шипова в тайных обществах была общеизвестной. Кудашев был отдален от главнокомандующего.

Таким образом, отношение Паскевича к ссыльным с самого начала было далеко от идиллии. По мере того, как победы русских войск приближали конец войны, Паскевич, менее нуждавшийся в их услугах, все более старался показать себя бдительным в глазах царя и его окружения в отношении «неблагонадежных».

Следует, однако, отметить, что для основной массы ссыльных результаты всех этих событий вполне проявились уже после окончания войны. В ходе же ее «дух сообщества», о котором с тревогой писал Паскевич, безусловно, имел место. Особое значение имело общение ссыльных офицеров и солдат с воинами кавказских национальных формирований и офицерами-кавказцами в рядах регулярных полков Отдельного Кавказского корпуса. Офицеры-декабристы, как правило, благожелательно относились к народам Кавказа, активно интересовались местной историей, культурой, обычаями, выступали против колониальной политики царизма на Кавказе, воплощенной в грубых действиях военных администраторов. Прекрасным примером этих отношений являются записки П. Бестужева, Лорера, Лачинова и других. Большими друзьями декабристов были видные представители культуры кавказских народов азербайджанец Аббас-Кули Бакиханов, грузин А.Г. Чавчавадзе. Декабрист В.Д. Сухоруков сотрудничал в газете «Тифлиссские ведомости». Активную роль в духовных связях кавказцев с ссыльными участниками освободительного движения играл офицер-декабрист А.С. Гангеблов, грузин по национальности. Нельзя не назвать в этой связи и имя Н.Н. Раевского, вокруг которого концентрировались многие декабристы в рядах Отдельного Кавказского корпуса. Между тем Раевский командовал сводной мусульманской бригадой. Его популярность была ответом на большую заботу, проявляемую Раевским к кавказцам. Характерно, что из всех представлений к наградам, сделанных Раевским и содержащихся в Архиве Раевских и в личном фонде Раевского в Центральном Государственном военно-историческом архиве (ныне Российский государственный военно-исторический архив – РГВИА – *Ред.*) [Фонд РГВИА № 90], примерно половину составляют представления к наградам кавказцев-мусульман. В шатре Раевского представители прогрессивных кругов кавказского общества имели возможность встречаться с участниками освободительного движения России и Польши. Они обменивались мнениями по разным вопросам жизни империи и о русско-кавказских отношениях. Следы этого общения, безусловно, видны и в литературном наследии декабристов, и в произведениях кавказских просветителей той эпохи.

Во время пребывания в лагере русских войск под Эрзерумом А.С. Пушкин почти постоянно находился рядом с Н.Н. Раевским. Здесь происходили его встречи с офицерами-декабристами, многие из которых (тот же Пушин, например) были его близкими друзьями. Здесь же он встречался с такими общественными деятелями, как Аббас-Кули Бакиханов, Федор Бекович-Черкасский и др. Упоминания о таких встречах есть в записках Гангеблова и Юзефовича [Апфельбаум 1981: 24].

Общение с передовыми представителями кавказского общества наложило вполне определенный отпечаток на пушкинское «Путешествие в Эрзерум», являвшееся плодом поездки Пушкина на фронт. Этот отпечаток явно прослеживается в слабо скрытом осуждении колониальной политики царизма, которое прослеживается на страницах, описывающих поездку через кабардинские земли, и в своеобразном описании военных действий на Саганлуге, и в доброжелательном интересе к местной обстановке. Конечно, значение такого общения для передовых представителей кавказской культуры трудно переоценить.

Таким образом, можно указать, что обстановка в Отдельном Кавказском корпусе, самом «неблагонамеренном» с точки зрения придворной камарильи военном соединении России, создавала определенные условия для тесного боевого братства и духовного общения передовых представителей русского и кавказского народов. Особенности корпуса, активная роль в нем ссыльных участников освободительного движения поднимали боевой дух и качества войск, сражавшихся в его составе, что сыграло важную роль в победе русских войск на Кавказском фронте в 1828 и 1829 годах. В то же время на полях сражений русско-турецкой войны укреплялись связи передовых слоев русского и кавказского общества, создавая весьма долговременный фактор, игравший немалую роль в последующей истории (политической в культурной) народов России и Кавказа.

3. Адрианопольский мир и значение победы России для социально-экономического развития Кавказа

К концу сентября 1829 г. ситуация на Анатолийском фронте явно свидетельствовала о полной победе русского оружия. А на Балканах в 1829 г. также произошел перелом, апогеем которого стала победа русских при Кулевче и взятие Адрианополя – древней столицы турецкой Румелии. Только теперь, в августе 1829 г., турецкое правительство было вынуждено прибегнуть к посредничеству послов западноевропейских держав для проведения переговоров. С большой остротой встал на этих переговорах вопрос об изменении границ между Россией и Турцией в Азии. Сохранение за Турцией важных стратегических плацдармов на Черноморском побережье Кавказа и его юго-западном регионе представляло постоянную угрозу политической стабильности кавказского региона в рамках Российской империи, являлось причиной дипломатических и военных столкновений, переросших затем в широкий конфликт 1828-1829 годов. Именно поэтому вопрос о ликвидации

кавказских владений Турции стал важным пунктом мирных условий России. Среди военных и политических сановников России существовали различные мнения по поводу объема территориальных требований, которые могли быть предъявлены Турции за столом переговоров. Еще 3 июня 1829 г. (накануне начала решающей летней кампании) И.Ф. Паскевич в письме к вице-канцлеру К.В. Нессельроде выдвигал три варианта таких требований: «... из коих по 1-му достаются нам Гурия (Паскевич имеет в виду крепость Поты и ее округу – А.А.) и пашалыки Ахалцихский и Карский, по 2-му Гурия, Ахалцих и Ахалкалаки с Ацкуром, по 3-му – последние две крепости» [АВП РФ. Ф. 1-9. Оп. 9. Д. 6. Л. 44; АВП РФ. Ф. 133 (Канцелярия МИД). Д. 468, 8916]. При этом о переходе под власть России крепостей Анапы и Суджук-кале не говорилось, так как это считалось само собой разумеющимся еще в начале войны. Предложения Паскевича выдвигались в тот период, когда не был еще известен исход решающих сражений войны. Тем не менее уже тогда Паскевич больше склонялся к первому варианту своих предложений, предусматривающему распространение российских владений до самого Саганлугского хребта. Еще более определенной в этом отношении стала его позиция после разгрома войск сераскера Гаджи-Салех-паши и взятия Эрзерума. Паскевич настаивая на оставлении в руках России всего Ахалцихского пашалыка, включая Поцховский и Олтинский санджаки, а также Карса. Он полагал, что оставление Карского пашалыка в руках османов создаст угрозу Армянской области и даже Картли, а наиболее безопасной границей России в этом направлении может быть лишь граница по Саганлугскому хребту. Еще дальше шел влиятельный министр финансов граф Канкрин. Большой сторонник широких колониальных проектов, он считал желательным удержание за Россией Баязета и Диадина, создавших хорошие условия для распространения российского влияния вплоть до берегов Персидского залива и Аравии. Особенно же активно Канкрин настаивал на передаче России территории от Трапезунда до Терджена, что должно было закрепить господство империи на Черном море и в Лазиане [АВП РФ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 2372. Л. 18].

Более умеренной позиции придерживался Дибич, переведенный к этому времени с должности начальника Главного штаба на пост главнокомандующего 2-й армией. В депеше графу Нессельроде от 9 июня 1829 г. он предлагает ограничивать требования России Анапой, Поты, Ахалкалаки и Ацкуром, «но зато, в статье о денежном вознаграждении требовать 10 млн. червонцев, и если турки объявят себя несостоятельными, то предложить, чтобы они взамен части сей суммы уступили в Азии первую пространнейшую пограничную линию сполна или хотя бы с некоторыми отменами (в этой туманной фразе Дибич намекает, судя по всему, на передачу России Ахалциха – А.А.)» [АВП РФ. Ф. 1-9. Оп. 9. Д. 6. Л. 45]. Мнение Дибича было поддержано самим Нессельроде. Это мнение и определило ход переговоров с Турцией по данному вопросу.

По поводу мирных условий России и результатов русско-турецких переговоров в западной и турецкой исторической науке до сих пор продолжают изыскания, призванные доказать извечно захватническую политику России по отношению к Турции. Следует еще раз подчеркнуть, что

признавая корыстные цели царизма, стремившегося в ходе войны 1828-1829 гг. укрепить свое господство на Кавказе и влияние на Балканах, следует признать и объективно прогрессивное значение результатов этой политики для народов Кавказа и Балкан. В то же время в данном случае нельзя не отметить ограниченность территориальных претензий России. В военно-дипломатическом руководстве Российской империи возобладало мнение, предусматривавшее только те территориальные изменения, которые были необходимы для укрепления безопасности и стабильности областей кавказского региона в рамках Российской империи и не предусматривающих широких территориальных захватов. Территориальные требования России далеко не соответствовали военно-стратегическим результатам русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Поэтому, когда стали известны претензии России, переданные Дибичем через посредничавшего в переговорах прусского посланника Мюфлинга [Татищев 1887: 214], даже многие аккредитованные в Константинополе иностранные дипломаты удивились умеренности русских условий мирного договора.

Однако сами османы воспринимали возможность утраты своих стратегических плацдармов в Кавказском регионе болезненно. Предвидя основные моменты российских мирных условий, они еще до передачи их Мюфлингу сообщили ему свои предложения, в которых соглашались и на автономию Греции и на контрибуцию и признавали отвергнутую ими в декабре 1827 г. Аккерманскую конвенцию, но категорически выступали против всяких уступок на Кавказе [Татищев 1887: 267]. Уже после проведения предварительных переговоров, проведенных Мюфлингом, турецкое правительство, уступая в некоторых территориальных вопросах, высказывалось против передачи России Ахалциха [Адрианопольский... 1879: 14-15] и намеревалось при удачном развитии переговоров попытаться удержать за собой также Анапу. Непосредственные переговоры между русскими и турецкими представителями начались 21 августа 1829 г. в Адрианополе, в старой резиденции султана Мурада I – дворце Ески-Сарай. Здесь представители Порты сразу же натолкнулись на твердую позицию российских дипломатов, требовавших передать России Ахалцих, Ахалкалаки и черноморские крепости Кавказа. Османы всячески противились этому. Известный историк генерал Михайловский-Данилевский, служивший тогда в штабе 2-й армии и присутствовавший на переговорах, отметил то упорство, с которым турки попытались добиться оставления в их владениях Анапы и Ахалциха: «Видно было, что владения в Азии у них лежат более на сердце, нежели владения в Европе» [Шильдер 1889: 16].

В конечном счете турецкие представители вынуждены были уступить. Но когда выработанный уже проект договора был доставлен в Константинополь, он вызвал острое недовольство в окружении султана Махмуда II. На заседании Дивана некоторые высшие вельможи высказались против территориальных уступок. Понимая, что военными средствами этот вопрос уже не решить, рейсэфенди прибегнул к помощи западных дипломатов, прежде всего английского посла Гордона и французского – Гильельмино. Последние в

разговорах с сановниками Дивана выражали крайнее возмущение территориальными требованиями русских [АВП РФ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 2967. Ч. 1. Л. 100 об.]. Правда, реальности сложившейся обстановки они понимали несколько лучше, и послание Дибичу с просьбой о смягчении требований России составили в более умеренных тонах, причем вопрос о границе в Азии в этом послании был фактически обойден [АВП РФ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 2967. Ч. 1. Л. 115-116 об.]. Тем не менее Дибич привел войска в боевую готовность и начал приготовления к броску на Константинополь. Возможностей к сопротивлению у султана не было, и он вынужден был капитулировать. Но даже готовясь подписать выработанный в Адрианополе договор, он пытался изыскать способ удержать за собой какую-нибудь из крепостей на Кавказе. Мир был подписан 2-го (14) сентября 1829 г. Вопросы территориальных изменений на Кавказе содержались в IV статье трактата. Согласно ей, к России переходили крепости Ахалцих и Ахалкалаки, а также берег Черного моря от устья Кубани до поста святого Николая вместе с крепостями Поты, Суджук-кале и Анапой. Характерно, что в тексте трактата о черноморских гаванях не упоминалось, но это была чисто формальная, процедурная уступка России, которая на деле ничего не меняла. Наконец, Турция формально признавала все присоединения, сделанные Россией на Кавказе в последние 30 лет, и отказывалась от всех претензий на кавказские земли. Этот акт имел немалое значение – недаром Турция категорически выступала против такого признания и в 1812 г. на переговорах в Бухаресте, и в последующие годы.

Уже после подписания мирного трактата турецкие власти специально задержали русского представителя капитана Дюгамеля, который должен был известить войска Отдельного Кавказского корпуса о завершении войны. Порта надеялась в последние дни добиться эффективной победы над русско-кавказскими войсками и получить преимущества возможного пересмотра условий трактата. Однако надеждам этим не суждено было сбыться. Войска нового сераскера Осман-паши были разбиты под Бейбуртом, и только после этого Дюгамелю было разрешено прибыть в лагерь Паскевича [Дюгамель 1885: 32-41]. Последней операцией войны было занятие русскими войсками в первых числах октября Мушского пашалыка.

Паскевич был недоволен условиями мира, считая, что русские представители вполне могли настоять на оставлении за Россией Карса. Весьма недовольны условиями договора были и высшие классы Англии, но из совершенно противоположных соображений. Не было это секретом и для современников событий. Достаточно вспомнить ироническое замечание Д.Д. Давыдова в его письме А.А. Закревскому сразу после получения известия о заключении мира: «Я полагаю, что Веллингтон и Меттерних наденут траур» [Давыдов... 1890: 557]. Особенное возмущение у английских политиков и дипломатов вызывала 4 статья трактата, т.е. утрата Турцией стратегических плацдармов на Кавказе. Англия даже направила особую ноту в адрес российского министерства иностранных дел, в которой требовала пересмотра этой статьи. Причем делалось это под предлогом «нарушения европейского равновесия». В ответной ноте российский МИД совершенно справедливо

указал, что к «европейскому равновесию» крепости на Юго-Западном Кавказе и его черноморское побережье никакого отношения не имеют, а дипломатическое признание присоединения к России Закавказья является лишь констатацией реальностей, сложившихся к концу первого 30-летия XIX века.

Русские войска покидали занятые в 1828-1829 годах земли, возвращаемые по условиям мирного договора Турции. Вслед за ними уходило благожелательно настроенное к России местное население. Именно в это время в российские владения переселяется около 100 тысяч карсских и баязетских армян. В пределы России переселяются многие курды, лазы, месхетинцы и т.д. Местному населению нельзя было особенно рассчитывать на благожелательное отношение турецких властей, т.к. слишком широка была их помощь русско-кавказским войскам в период решающих сражений войны на кавказском фронте – от поставок продовольствия и фуража до агентурных сведений, за которые теперь Паскевич спрашивал в Санкт-Петербурге награждения [РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3752. Л. 47-49 об., 52-54, 80-80 об.], а также до прямого участия в боевых действиях, как это было в Баязете.

Если оценивать значение результатов войны для различных районов Кавказа, то следует признать, что наибольшее значение она имела для Грузии. В соответствии с условиями мирного договора, за Россией оставалась значительная часть бывшего Ахалцихинского пашалыка, а именно 10 санджаков: Ахалцихский, Аспиндский, Ацхурский, Хертвисский, Квадлианский, Ахалкалакский, Абастуманский, Джеджерекский, Поцховский, Чалдырский. Общая их площадь составляла 4800 кв. км. [Орджоникидзе 1955: 10]. Таким образом, с Грузией воссоединялся край Самцхе-Саатбаго – древняя колыбель грузинской культуры и государственности. Утрата Турцией важной черноморской гавани Поти создавала необходимые условия для широкого развертывания грузинской черноморской торговли, прежде всего торговли с центральными областями России. Объединение Грузии, начатое историческим манифестом 1801 года о вхождении Картло-Кахетинского царства в состав Российской империи, с заключением Адрианопольского мира фактически завершилось. Причем сопровождалось оно чрезвычайно важными процессами внутренней централизации – уже в ходе войны было ликвидировано Гурийское княжество – один из последних осколков средневековой раздробленности Грузии. «Было ликвидировано враждебное окружение ... Грузия вошла на путь мирного развития» [Думбадзе 1957: 20]. Ликвидация Ахалцихского военно-стратегического плацдарма Турецкой империи на Южном Кавказе сыграла громадную роль в общей стабилизации военно-политической обстановки в Закавказье. И влияние этого события весьма активно ощущается в последующие годы и в Армении, и в Азербайджане.

Нельзя недооценивать результатов данной войны и для народов Северного Кавказа. Следует помнить, что сохранение в руках Османской империи Анапской морской твердыни обеспечивало постоянное присутствие султанского влияния на Северном Кавказе. Выражалось оно в целом ряде процессов – и в стимулировании работоторговли, иссушавшей людские и материальные ресурсы горских народов, и в активизации межнациональных

противоречий в их среде, и в содействии обострению русско-кавказских противоречий, – одним словом, в сохранении общей военно-политической нестабильности в регионе и консервации самых отсталых укладов общественной и духовной жизни.

Переход Анапы в руки России если и не ликвидировал этот фактор совсем, то значительно ослабил его влияние, особенно для областей Центрального Предкавказья. Вполне можно согласиться с оценкой этого события А.В. Фадеевым: «Это не только пресекало ее (Турции – А.А.) экспансию в этом направлении, но и подрывало ее экономическое и политическое влияние среди горцев Северо-Западного Кавказа» [Фадеев 1960: 238]. Переход Анапы и всего черноморского побережья из рук османов в пределы Российской империи сыграл этапную роль и в истории народов Закубанья. Оценивая непосредственные результаты этого события в их развитии, А.Х. Бижев писал: «Значительно сократилась адыго-турецкая меновая торговля и в особенности доходная для адыгских феодалов и турецких купцов и чиновников работорговля. Значительно упал престиж Турции, ее агентов и проповедников в адыгском обществе. Упало влияние и протурецки настроенных феодалов, старшин и представителей духовенства» [Бижев 1971: 70].

Переходя к общему значению войны для всего Кавказского региона в целом, следует отметить, что одним из важнейших ее результатов было значительное усиление общеполитического престижа России и падение престижа и влияния ее азиатских соперников в борьбе за господство на Кавказе. Большую роль сыграло ознаменованное Адрианопольским миром политико-юридическое оформление вхождения в состав Российской империи всех областей Кавказского региона. В комплексе с важным фактором ликвидации военно-стратегических плацдармов Турции, дестабилизировавших обстановку в данном регионе, эти результаты позволили царскому правительству приступить к форсированию политической централизации и административной унификации в крае [Киняпина 1983: 39-40]. Недаром активизация этой политики связана с прибытием на Кавказ вскоре после окончания войны комиссии сенаторов Кутайсова и Мечникова [Акты... 1881: 3-6]. Большое внимание теперь стало обращаться кавказской администрацией «... на предметы проложения дорог, учреждения или улучшения водяных путей сообщения, военных укреплений, почт, жилищ и пр. [РГВИА. Ф. 35. Оп. 5. Д. 2603 (Паскевич – Дибичу 13 апреля 1828 года). Л. 1 об.]

Эта политика при всей ее противоречивости играла положительную роль в экономической жизни народов региона. Говоря об экономических последствиях войны, следует отметить, что присоединение кавказского черноморского побережья к России имело громадное значение для всей южной части Российской империи. Необходимо упомянуть для иллюстрации хотя бы факт более чем двойного (с 4203 тыс. руб. серебра до 8633 тыс. рублей серебра) увеличения вывоза товаров из Одессы в 1830 году по сравнению с 1826 годом [Фадеев 1955: 341]. Для Кавказа же это значение вообще трудно переоценить. Закрепление России на берегах Черного моря обеспечило регион относительно

безопасными коммуникациями, связывающими его хозяйство с центральными губерниями. Укрепление военно-политической и административной стабильности в большинстве областей региона сыграло роль катализатора в экономическом и социальном развитии его народов. Оно значительно убыстрилось, причем господствующей тенденцией было развитие и укрепление новых экономических и социальных укладов, постепенно разрушавших старые формы хозяйства, быта и общественных отношений.

Когда мы говорим о новых моментах в развитии кавказского общества, пробивавших себе дорогу с начала XIX века, мы имеем в виду в экономическом отношении – формирование и усиление в отдельных местах элементов товарности хозяйства, расширение масштабов внутрирегиональной и кавказо-русской торговли, в наиболее развитых районах первых мануфактур; в социальном отношении – частичный переход на более развитые формы эксплуатации, в частности, связанные с товарным хозяйством, формы феодальной ренты, расширение купеческой прослойки и изменение социально-экономической основы отдельных групп феодального класса, а также медленное и постепенное разложение общинно-патриархальных элементов, все еще игравших значительную роль в целом ряде областей кавказского региона. В политическом плане эти новые моменты проявлялись в ликвидации пережитков феодальной раздробленности и в укреплении внутрирегиональных связей. Наконец, в культурном отношении это были новые передовые элементы общественной мысли, культуры и быта определенной, пусть небольшой, части кавказского общества, связанные с знакомством с передовой русской и, шире, европейской культурой. Следует оговориться, что моменты эти проявлялись робко, спорадически, неравномерно и более объемное значение приобрели лишь в последней трети XIX века, но как тенденции они имели место уже в описываемый нами период. Мы видели, как зарождались эти тенденции сразу после присоединения тех или иных областей Кавказа к России. Но в условиях военно-политической нестабильности, слабости экономических связей с Россией, постоянной военной угрозы и сохраняющейся административной раздробленности эти тенденции не могли проявить себя полностью. Можно сказать, что результаты русско-турецкой войны сыграли существенную роль в проявлении позитивных тенденций присоединения ряда областей Кавказа к России для их хозяйственного и культурного развития. Этот процесс можно проиллюстрировать данными советского армянского исследователя Ц.П. Агаяна, указывающего, что если в начале XIX столетия «население Восточной Армении составляло 100 тыс. человек, то уже в конце века, к 1 января 1900 года оно достигло 811330 человек, т.е. увеличилось в 8,1 раз. В этот же период население России увеличилось в 3,5 раза» [Агаян 1978: 252].

Другим важным результатом русско-турецкой войны было значительное укрепление культурных связей между передовыми слоями русского и кавказского общества. Происходившее в годы войны культурное общение явились значительным импульсом как для широкого развертывания культурно-просветительной деятельности на Кавказе (достаточно вспомнить в этой связи хотя бы имена Аббас-Кули Бакиханова, Александра Чавчавадзе, Николаза

Бараташвили, Казы-Гирея) и проникновения в кавказское общество элементов более передовой русской культуры и быта, так и для обогащения новыми темами и идеями самой русской литературы. Весьма важными были и создавшиеся на полях сражений связи между представителями освободительного движения Кавказа, России и других частей необъятной империи. Эти связи играли весьма благотворную роль в период, когда, говоря словами А.Х. Бижева «национально-освободительная борьба горцев сливалась с русским демократическим, революционным движением, закладывалась основа совместной борьбы русских и горцев против русского самодержавия в его социальной опоры» [Бижев 1971: 70].

Следует отметить также и благотворное влияние приобщения кавказских народов к тем элементам передовой военной мысли, носителями которых являлись многие военачальники Отдельного Кавказского корпуса и которые проявились в действиях русских войск и кавказских формирований. За всю предшествующую историю никогда еще не было столь широкого участия кавказских народов в военных действиях русских войск, и это имело, конечно, свои последствия.

Влияние общей борьбы и победы сказалось также в укреплении тесных связей между самими народами Кавказа. На полях сражений утверждалось сознание исторического и культурного единства кавказского региона, сыгравшее столь большую роль во всей его последующей истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Агаян 1978 – *Агаян Ц.П.* Роль России в исторических судьбах армянского народа. – М.: Наука, 1978. – 311 с.

Адрианопольский... 1879 – *Адрианопольский мир 1829 года.* Из переписки графа Дибича / Сост. и автор предисловия Н.К. Шильдер. – СПб.: Типография В.И. Грацианского, 1879. – 63 с.

Акты... 1878 – *Акты Кавказской археографической комиссии.* – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1878. Т. VII. – 1011 с.

Акты... 1881 – *Акты Кавказской археографической комиссии.* – Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1881. Т. VIII. – 1033 с.

Апфельбаум 1981 – *Апфельбаум А.С.* А.С. Пушкин и Н.Н. Раевский // Материалы научно-практической конференции «Молодежь и наука». – Нальчик, 1981.

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации.

Архив... 1908 – *Архив Раевских: в 5 т. Т.1.* (Письма 1791-1829 гг.) / Изд. П.М. Раевского; Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. Т. 1-5. – СПб.: тип. М. А. Александрова, 1908. – 574 с.

Бестужев 1951 – *Бестужев М.* Мои тюрьмы. Очерки и ответы 1869 г. // Воспоминания Бестужевых. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 51-124.

Бижев 1971 – *Бижев А.Х.* Северо-Западный Кавказ в сфере Восточного вопроса (1826-1830 гг.) // Ученые записки КБГУ. Серия историко-филологическая. – 1971. – Выпуск 43. – С. 70-88.

Военный... 1819 – *Военный журнал.* – 1819. – Кн. 2.

Воспоминания... 1951 – *Воспоминания Бестужевых.* – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 891 с.

Галоян 1976 – *Галоян Г.А.* Россия и народы Закавказья. – М.: «Мысль», 1976. – 456 с.

- Гейсман 1910 – *Гейсман П.* Генеральный штаб в русско-кавказской войне 1828-1829 гг. // Военный сборник. – 1910. – № 4.
- Давыдов... 1890 – *Давыдов Д.Д.* Закревскому А.А. 23 сентября 1829 г. // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. 148 т. (1867-1916) Т. 73: Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского: Ч. 1 / Изд. под ред. Н. Ф. Дубровина. – 1890. – XVIII, XVI, – 616 с.
- Дилоян 1974 – *Дилоян В.А.* Восточная Армения в первой трети XIX столетия и армяно-русские отношения. Автореферат дисс. ... докт. ист. наук. – Ереван: АН Арм. ССР. 1974. – 85 с.
- Думбадзе 1957 – *Думбадзе М.К.* Западная Грузия в первой половине XIX в. (присоединение к России и социально-экономическое развитие). – Тбилиси: АН Груз. ССР, 1957. – 406 с.
- Дюгамель 1885 – *Дюгамель А.О.* Автобиография. – М.: Изд. В.В. Комаров, 1885. – 319 с.
- Зубов 1834 – *Зубов П.П.* Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году. – М.: тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1834. – 117 с.
- Ибрагимбейли 1969 – *Ибрагимбейли Х.-М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. – М.: Наука, 1969. – 287 с.
- Кавтарадзе 1977 – *Кавтарадзе А.Г.* Генерал А.П. Ермолов. – Тула: Тульское книжное издательство, 1977. – 119 с.
- Киняпина 1983 – *Киняпина Н.С.* Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии // Вопросы истории. – 1983. – № 4. – С. 35-47.
- Орджоникидзе 1955 – *Орджоникидзе Э.А.* Присоединение Ахалцихского края к Грузии в 1828-1829 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Тбилиси: АН Груз. ССР, 1955. – 36 с.
- Потто 1889 – *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5-и т. Том 4-й. Турецкая война 1828-1829 г. – СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1889. – 731 с.
- Пушкин 1936 – *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г. // Полное собрание Сочинений: в 6-и т. Т. 4. – Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1936. – С. 391-430.
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
- Татищев 1887 – *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. – СПб.: Петербургский императорский университет, 1887. – 714 с.
- Утверждение... 1904 – *Утверждение* русского владычества на Кавказе / Под ред. В.И. Потто. Т. 3. Ч. I. – Тифлис: Изд-во Штаба Кавказской армии, 1904. – 425 с.
- Фадеев 1951 – *Фадеев А.В.* Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе // Вопросы истории. – 1951. – № 1. – С. 100-107.
- Фадеев 1960 – *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 398 с.
- Фадеев 1955 – *Фадеев А.В.* Социально-экономические предпосылки политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х годов // Исторические записки. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955. – Вып. 54. – С. 327-342.
- ЦГИА Грузии – Центральный государственный исторический архив Грузии
- Шильдер 1889 – *Шильдер Н.К.* Адрианопольский мир. По рассказу Михайловского-Данилевского // Русский вестник. – 1889. Август. – Т. 203.
- Щербатов 1891 – *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность: в 7-и т. Т. 3: октябрь 1827 – май 1831. – СПб.: Тип. Р. Голике, 1891. – 524 с.

REFERENCES

AGAYAN Ts.P. *Rol' Rossii v istoricheskikh sud'bakh armyanskogo naroda* [Russia's role in the historical destinies of the Armenian people]. – М.: Nauka, 1978. – 311 p.

Adrianopol'skii mir 1829 goda. Iz perezpiski grafa Dibicha [Adrianople Treaty of 1829. From the correspondence of Count Dibich] / Ed. by N.K. Shil'der. – SPb.: Tipografiya V.I. Gratsianskogo, 1879. – 63 p.

Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii: v 12-i t. T. VII [Documents compiled by Caucasian archeographical commission: in 12 vols. Vol. VII]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1878. – 1011 p.

Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii: v 12-i t. T. VIII [Documents compiled by Caucasian archeographical commission: in 12 vols. Vol. VIII]. – Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1881. – 1033 p.

APFEL'BAUM A.S. *A.S. Pushkin i N.N. Raevskii* [A.S. Pushkin and N.N. Raevsky]. IN: *Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii «Molodezh' i nauka»* [Materials of the scientific-practical conference "Youth and Science"]. – Nal'chik, 1981.

AVP RF – Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation].

Arkhiv Raevskikh: in 5 vols. Vol.1. (Pis'ma 1791-1829 gg.) [The Rayevskys' Archives: 5 vols. Vol. 1. (Letters of 1791-1829)] / Pub. P.M. Raevsky; Ed. by B.L. Modzalevsky. Vol. 1-5. – SPb.: tip. M. A. Aleksandrova, 1908. – 574 p.

BESTUZHEV M. *Moi tyur'my. Ocherki i otvety 1869 g.* [My prisons. Essays and Answers 1869]. IN: *Vospominaniya Bestuzhevykh* [Memoirs of the Bestuzhevs]. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. – P. 51-124.

BIZHEV A.Kh. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v sfere Vostochnogo voprosa (1826-1830 gg.)* [North-Western Caucasus in the sphere of the Eastern Question (1826-1830)]. IN: *Uchenye zapiski KBGU. Seriya istoriko-filologicheskaya*. – 1971. – Iss. 43. – P. 70-88.

Voennyi zhurnal [Military journal]. – 1819. – Book 2.

Vospominaniya Bestuzhevykh [Memoirs of the Bestuzhevs]. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1951. – 891 p.

GALOYAN G.A. *Rossiya i narody Zakavkaz'ya* [Russia and the peoples of the Transcaucasia]. – M.: «Mysl'», 1976. – 456 p.

GEISMAN P. *General'nyi shtab v russko-kavkazskoi voine 1828-1829 gg.* [General Headquarters in the Russo-Caucasian War of 1828-1829]. IN: *Voennyi sbornik*. – 1910. – No 4.

Davydov D.D. Zakrevskomu A.A. 23 sentyabrya 1829 g. [From Davidov D.D. to Zakrevsky A.A.]. IN: *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva. 148 vols. (1867-1916) Vol. 73: Bumagi grafa Arseniya Andreevicha Zakrevskogo: Part 1* [Collection of the Imperial Russian Historical Society. 148 vols. (1867-1916) Vol. 73: Papers of Count Arseny Andreyevich Zakrevsky: Part 1]. Ed. by N. F. Dubrovin. – 1890. – XVIII, XVI, – 616 p.

DILOYAN V.A. *Vostochnaya Armeniya v pervoi treti XIX stoletiya i armyano-russkie otnosheniya. Avtoreferat diss. ... dokt. ist. nauk* [Eastern Armenia in the first third of the XIX century and Armenian-Russian relations. The dissertation for the Doctor of historical sciences degree]. – Erevan: AN Arm. SSR. 1974. – 85 p. [In Armenian]

DUMBADZE M.K. *Zapadnaya Gruziiya v pervoi polovine XIX v. (prisoedinenie k Rossii i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye)* [Western Georgia in the first half of the nineteenth century. (joining to Russia and socio-economic development)]. – Tbilisi: AN Gruz. SSR, 1957. – 406 p.

DYUGAMEL' A.O. *Avtobiografiya* [Autobiography]. – M.: Izd. V.V. Komarov, 1885. – 319 p.

ZUBOV P.P. *Shest' pisem o Gruzii i Kavkaze, pisannye v 1833 godu* [Six letters about Georgia and the Caucasus, written in 1833]. – M.: tip. Lazarevykh instituta vost. yaz., 1834. – 117 p.

IBRAGIMBEILI Kh.-M. *Rossiya i Azerbaidzhan v pervoi treti XIX v.* [Russia and Azerbaijan in the first third of the XIX century]. – M.: Nauka, 1969. – 287 p.

KAVTARADZE A.G. *General A.P. Ermolov* [General A.P. Ermolov]. – Tula: Tul'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. – 119 p.

KINYAPINA N.S. *Administrativnaya politika tsarizma na Kavkaze i v Srednei Azii* [The administrative policy of tsarism in the Caucasus and Central Asia]. IN: *Voprosy istorii*. – 1983. – No 4. – P. 35-47.

ORDZHONIKIDZE E.A. *Prisoedinenie Akhaltsikhskogo kraia k Gruzii v 1828-1829 gg. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Joining of the Akhaltsikhe region to Georgia in 1828-1829. Abstract of the thesis for a Candidate of historical sciences degree]. – Tbilisi: AN Gruz. SSR, 1955. – 36 p.

POTTO V.A. *Kavkazskaya voina v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografyakh: in 5 vols. Vol. 4. Turetskaya voina 1828-1829 g.* [Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies: in 5 volumes. Volume 4th. Turkish war of 1828-1829]. – SPb.: Tip. E. Evdokimova, 1889. – 731 p.

PUSHKIN A.S. *Puteshestvie v Arzrum vo vremya pokhoda 1829 g.* [Journey to Arzrum during the campaign of 1829]. IN: *Polnoe sobranie Sochinenii* [Complete Collection of Writings]: in 6 vols. Vol. 4. – L.: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1936. – P. 391-430.

RGVIA – *Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv* [Russian State Military Historical Archives].

TATISHCHEV S.S. *Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya I* [Foreign Policy of Emperor Nicholas I]. – SPb.: S-Peterburgskii imperatorskii universitet, 1887. – 714 p.

Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze [Establishing of Russian dominance in the Caucasus]. Ed. by V.I. Potto. Vol. 3. Part I. – Tiflis: Izd-vo Shtaba Kavkazskoi armii, 1904. – 425 p.

FADEEV A.V. *Dekabristy v Otdel'nom Kavkazskom korpuse* [Decembrists in the Separate Caucasian Corps]. IN: *Voprosy istorii*. – 1951. – No 1. – P. 100-107.

FADEEV A.V. *Rossiya i Kavkaz v pervoi treti XIX v.* [Russia and the Caucasus in the first third of the XIX century]. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. – 398 p.

FADEEV A.V. *Sotsial'no-ekonomicheskie predposylki politiki tsarizma v period «vostochnogo krizisa» 20-kh godov* [Socio-economic prerequisites of the policy of tsarism in the period of the "eastern crisis" of the 20s]. IN: *Istoricheskie zapiski* [Historical proceedings]. – M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1955. – Iss. 54. – P. 327-342.

TsGIA Gruzii – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [Central State Historical Archive of Georgia].

SHIL'DER N.K. *Adrianopol'skii mir. Po rasskazu Mikhailovskogo-Danilevskogo* [Adrianople Treaty. According to the narrative of Mikhailovsky-Danilevsky]. IN: *Russkii vestnik*. – 1889. Avgust. – Vol. 203.

SHCHERBATOV A.P. *General-fel'dmarshal knyaz' Paskevich. Ego zhizn' i deyatel'nost'* [General Field Marshal Prince Paskevich. His life and deeds]: in 7 vols. Vol. 3: October 1827 – May 1831. – SPb.: Tip. R. Golike, 1891. – 524 p.